

Леонид Моргун

Самантинская
Цула

Леонид Иванович Моргун

Сатанинская сила

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11034684

ООО "Остеон-Пресс"; 2015

ISBN 978-5-85689-065-4

Аннотация

В романе Леонида Моргуна «САТАНИНСКАЯ СИЛА» описывается жуткая история, которая разыгралась в маленьком среднерусском городке – там обнаружился прямой проход и не куда-нибудь в иное измерение, не в параллельный мир, не в за границу и не на другую планету, а в самую что ни на есть преисподнюю, откуда на наших многострадальных сограждан хлынул самый настоящий поток самой настоящей нечисти. Разумеется во главе их стоял сам «враг рода человеческого», нагло воспользовавшийся званием «князя мира сего»...

Содержание

I	4
II	10
III	19
IV	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Леонид Моргун

Сатанинская сила

I

*Эти же призраки, нам представляясь, в испуг повергают
Нас наяву и во сне, когда часто мы видим фигуры
Странные призраков тех, кто лишен лицемерия света...
...Вот до чего, когда черная ночь возникает из тучи,
Ужаса мрачного лик угрожает нам, сверху нависнув...*

Тит Лукреций Кар

Неожиданно среди бела дня загрохотал гром. Невесть откуда взявшиеся, сгустились тучи, сжав солнце тисками своих мохнатых плащей и отбросив на пересохшую за долгую засушливую весну и знойное начало лета землю глубокие тени. Молоковоз, весело пыливший по проселочной дороге, фыркнул и припустил быстрее. Шофер его, Юрка Юшкин, прохиндей, пьянь и проныра по прозвищу Ююка, поморщился и сплюнул в форточку. Редкие крупные капли дождя ударили по ветровому стеклу и скатились вниз, обещая серьезную грозу. Ююка включил дворники. За сорок с лишним лет бурной, наполненной приключениями жизни этот низкорослый, крепко сбитый мужичонка с маленькими, близко посаженными, вороватыми глазками и длинными, цепкими, крепко лежащими на баранке руками повидал немало дождей, ливней и гроз разной степени крепости. Обычно, когда на небе сгущались тучи, он презрительно хмыкал и, многозначительно ухмыльнувшись, приговаривал: «Рази ж это гроза?.. Так, грозенка. Вот, помнится, была гроза у Колоярова...» – так бормотал он и сплевывал при этом, цыкнув в зияющую дыру, нарушавшую частокол его крепких, желтоватых зубов. Однако напрасны были попытки его собеседников и собутыльников выпросить у него подробности той мифической, Ююка только шмыгал носом, да сплевывал, вспоминая свою первую и последнюю в жизни попытку связать себя узами Гименея и начать трезвый образ жизни. В тот примечательный день, лет пять тому назад Ююка ехал делать предложение Кононовой Наталье из деревни Малые Хари, что привольно расположилась неподалеку от районного центра, Букашина. Строго говоря, это был уже второй его рейс по означенному маршруту: вчерашняя попытка сватовства окончилась неудачей, ибо Наталья унюхала от жениха запах спиртного и, ни минуты не колеблясь, выставила его за порог, она достаточно намучилась с бедолагой-мужем, не просыхавшим чуть ли не с рождения. И вот, в день, когда гладко выбритый, разодетый и наодеколоненный Ююка с ромашкой в петлице и при галстукe поехал жениться во второй раз, он, размечтавшись о грядущей трезвой и сытой супружеской жизни, помял новенькую черную «Волгу» начальника букашинской милиции майора Колоярова... На память о том недоразумении и остался у Ююка выбитый зуб, отбитая почка и еще одна, четвертая по счету судимость. Потому-то, собираясь в придорожной «стекляшке» у старой Мавры и показывал Ююка друзьям своим коронный номер со стаканчиками: четыре граненых, полных первача стакана ухитрился он опустошить один за другим, приговаривая: «Первый – по молодости, второй – по глупости, третий – за дело, четвертый – ни за что, ни про что!»

Человека, стоявшего на обочине в высокой траве он заметил не сразу, а заметив, не обратил на него внимания. Обычный ветхозаветный дед из тех, что доживали свой век в богом и людьми забытых деревнях. Ююка наметанным глазом сразу же углядел, что у ног старика не лежало ни ящика, ни мешка, ни чемодана, а это вне всякого сомнения означало, что не ехал он ни торговать на букашинском рынке, ни в отъезд к детям ли внукам, а купить

себе что-нибудь мелкое по хозяйству, а, может, на почту или в поликлинику. Значит, сделал вывод Ююка, взять с него было нечего. Поэтому он и не подумал притормозить и проехал мимо, игнорируя призывные взмахи рукой и оклики.

До какой же степени Ююка был удивлен, когда неожиданно для себя обнаружил, что автомобиль его стоит на месте, дверца – открыта, а старичок, кряхтя и отфыркиваясь, взбирается в кабину, интенсивно помогая себе толстым суковатым посохом. Самое удивительное, что при виде этого Ююка не сделал и малейшей попытки протестовать, напротив, ему даже захотелось подвезти старичка.

- До Букашина, – предупредил он.
- Подходит, милай, – согласился старичок.
- Трояк, – нахально заявил Ююка.
- Уговорились.

Издав грозный рык, машина, волочившая за собой две цистерны, резво бросилась в путь, спасаясь от надвигающейся сплошной пелены дождя. В скором времени даже дворники не спасали от потоков воды, обрушивавшихся с небесных хлябей. Некоторое время ехали молча. Все это время старик юлой вертелся на месте, пытаясь разглядеть подробности расстилавшегося вокруг ландшафта. Потом он обратился к Ююке.

– А скажи-ка мне, мил-человек, – спросил он, задумчиво накручивая бороду вокруг пальца, – скажи-ка, тут у вас ничего, часом, не... случалось?

- Чего? – переспросил Ююка.
- Ну... – старик сделал неопределенный жест руками. – Такого... Странного.

Ююка скосил на него глаза. Старичок и сам казался странноватым. Одет он был в белую суконную поддевку, перепоясанную веревочкой, в груботканном пальто ли, плаще, неожиданно вызывавшем в памяти стародавние, ветхозаветные понятия, такие, как «зипун», «шущун», а, может быть, даже «армяк». Стариковская борода лопатой росла до пояса, волосы, не стриженные, должно быть, с самой отмены крепостного права, росли привольной сивой гривой, но взгляд светло-синих, с прищуром глаз был неожиданно молодым и пристальным.

– Нич-чего такого, – меланхолично позевывая, сказал Ююка. И неожиданно бойко заговорил: – На танцах в клубе хлопцы подрались на той неделе. Ваське башку поленом проломили. Нечипорук коз с фермы таскал – попался, как фраер. От Игнашкиной Настасьи Мартемьяныч тягу дал. Поехал в город за батарейками – и пропал! Дочка нашего головы пол своей половы в синий цвет выкрасила и ходит, гремя цепями, бабы грят, умора...

- Н-ну-ну... – пробормотал старичок.
- У ног его неожиданно зашевелился и запрыгал мешок.
- Да не крутись ты, дура! – рывкнул Ююка, энергично пиная мешок.

– А... чегой-то ты там, мил-человек, держишь? – с опаской осведомился старичок, поднимая ноги в ветхих онучах.

– Это так... ничего... – буркнул Ююка. Но неожиданно ему захотелось рассказать старику абсолютно обо всех и обо всем. – Петух там, папаня, – затараторил он. – Белый петух, здоровый. Мой петух. Купил я его... Нет, купил! Вот-те-крест, купил...

Петуха он не покупал, а выменял у раннего клиента, поджидавшего его у въезда в деревню Лепилино. Выменял на кружку того молочка, которое возил в потайном отделении своей цистерны, и которое, как говорят в народе, надаивают из-под «бешеной коровки». Очень много этих коровок развелось на Руси в последнее время, и Ююка работал на той самой ферме или в именно в той фирме, которая поголовье этой зеленой живности холила и лелеяла, а планы стабильно выполняла и перевыполняла, не особенно, впрочем, афишируя свои достижения. Повязанный в серьезном деле с серьезными людьми, которые платили серьезные деньги, Ююка обычно не особенно распространялся о роде своих занятий даже

любимым женщинам, которые у него были во всех населенных пунктах округа. Но когда его машина притормозила на окраине городка, у древних, полуразвалившихся домиков, взявших полукружием руины старинной часовни, находившейся под охраной государства, о чем свидетельствовала массивная бронзовая вывеска с красиво выгравированными буквами, когда кончился дождь и тишина опустилась на городок, шофер выключил мотор и в изнеможении навалился на баранку. Он почувствовал себя совершенно вымотанным, как после длительного допроса, на котором следователь из области пытал у него, чем он руководствовался, корыстью, личной ненавистью, террористическими побуждениями или антисоветскими убеждениями, готовя покушение на майора Колоярова. Отчего-то у Ююки создалось такое ощущение, что он только что рассказал о себе странному старичку абсолютно все с момента рождения и по сегодняшний день. А тот сидел, привалившись к дверце, тихо, будто дремал. Некоторое время Ююка приходил в себя, будто осмысливая, что же такого с ним могло произойти, что он вдруг ни с того, ни с сего подобрал на дороге старого хрыча, да еще с ним и разоткровенничался.

– Вот, дядя, – сказал он сиплым голосом. – Букашин. Приехали.

Старик встрепенулся.

– Букашин, говоришь? – он выглянул наружу и повертел головой оглядываясь. Гроза миновала, гром глухо грохотал где-то в отдалении. Однако солнце не выглянуло из-за туч, а пряталось далеко в пасмурной пелене, затянувшей небо. Старик с непонятной усмешкой посмотрел на Ююку.

– И ничего, говоришь, странного? Занятно. Ну, спасибо, сынок. И не пинай петушка-то. Он тебе еще пригодится.

С этими словами старик вылез из кабины и собирался уже захлопнуть за собой дверцу, когда окончательно пришедший в себя Ююка заорал:

– Эй, дед! А «бабули»? Спасибо твоя не булькает!

– Чего тебе, милый? – не понял старец.

– Трояк гони, говорю, как договаривались!

Старик озадаченно зачесал в затылке.

– Трояк – так трояк, – сказал он, протянув руку. – Гони.

Ююка сунул ему в руку трояк, поблагодарил и, развернув машину, поскорее дал газ, заметив мелькнувший в проулке большой желтый мотоцикл. Поравнявшись со стариком, мотоцикл встал, как вкопанный. Сидевший на нем молодой человек в серой униформе с нашивками старшего сержанта милиции, старательно давил на педаль газа, жал ручку, борю моча сквозь зубы проклятия. Наконец, оставив свои попытки, он обратился к старику:

– Вы на этой машине приехали, дедушка?

– На этой, – подтвердил старик, поглядев вслед удалявшейся цистерне.

– Шофер там был такой... носатый, да?

– Точно.

– Юшкин?

– Именно.

Сержант в отчаянии сплюнул.

– Упустил, а!? – воскликнул он, стукнув кулаком по бачку

– А ты так не убивайся, сынок, – посоветовал старик. – Не велика печаль, что упустил, главное, что ничего лихого не поймал.

– Не велика! – воскликнул милиционер, оглядев старика. – Как же не велика, когда он, тварь, нутром чую, под завязку первачом груженный. А тут уборочная на носу. Опять все мужичье в стельку ляжет, снова нам в область поклоны бить и гражданских на помощь звать! Да какая от них помощь? – он махнул рукой. «Гражданскими» на языке «бойцов»

сельскохозяйственного фронта именовались городские жители, которых в страдную пору отправляли на «пере-довую» уборочных работ. Пользы от них и впрямь было не много.

– И-и-и, касатик, – усмехнулся старичок, – ты за им не гонись. Он сам тебя найдет. Кувшин всегда у колодца голову сломит, а на ловца и зверь прибежит. Ты мне лучше скажи, тебя, часом, не Семеном ли зовут? – осведомился он, пристально глядя сержанту в глаза.

– Ну, Семеном, – с удивлением ответил тот.

– А родители, значит, у тебя живы ли?

– Одна бабушка.

– А... – старик замялся и нервно затеребил свою густую бороду, – а ты... как бы это поделикатней выразиться, не коровий ли часом сын?

Сержант нервно засопел. Эта кличка прилипла к нему сызмальства, с той самой поры, когда бабка Дуня пригрела у себя невесть кем подброшенного на крыльцо букашинской больницы младенца, а выкармливала его корова Мурка. Это была последняя в те лихие годы букашинская корова, всех остальных хозяева забили на мясо, чтобы не платить дурные хрущевские налоги, коими в те годы облагалась каждая яблонька, каждый куренок, каждая сотка.

– Вообще-то моя фамилия Бессчастный, – сказал сержант, побагровев. – А вы, товарищ, кто такой будете? И чего это вы здесь, гражданин, оскорбляетесь?

– Я? – старик улыбнулся в бороду, и глаза его хитро блеснули. – Меня, сынок, Всеведом кличут. И здесь я по своей надобности. А может быть, и по вашей. Итак, ответь-ка ты мне, Семен, коровий сын, а не случилось ли в вашем городке ничего такого...

– Какого?

– Странного.

– Странного? – Семен в задумчивости сжал рукоять мотоцикла. Неожиданно громко зарокотал мотор.

– Или страшного? – продолжал выпрашивать странный старец.

Семен улыбнулся. И невеселой была его улыбка.

– То-то и страшно, деда, что у нас никогда и ничего странного нет и не было.

– Будет, – убежденно сказал Всевед, подозрительно поглядывая на прояснившееся, но удивительно пасмурное, бессолнечное небо, и глубоко вздохнул. Из размышлений его вывел голос сержанта.

– Так как же насчет документов, гражданин? – Семен был настроен решительно.

Внимательно поглядев на него, дед сощурил было глаза, потом фыркнул, потом сделал неуловимый жест обеими руками, потом на миг зажмурился, а когда вновь раскрыл глаза, то встретился с серьезным, не предвещающим ничего доброго взглядом милиционера.

– Сейчас, сейчас, – заторопился старик, полез в кошелку и, покопавшись там, достал пожелтый лист подорожника. – Вот мой документ, в нем все, что хошь, так и написано.

Задумчиво повертев в руках листик, сержант выронил его в пыль и мотнул головой в сторону коляски.

– Проедемте в отделение, гражданин.

– Батюшки! – всплеснул руками старик. – Никак на створного напал!.. Да ты же ведь, мил-человек...

– Я сказал, проедемте! – настойчиво повторил Семен.

– Да за что ж меня?

– 192-я, часть вторая, 198-я, 209-я, оскорбление должностного лица при исполнении, нарушение паспортного режима, бродяжничество, это пока, а там – разберемся, – отрезал Семен. – Ты, главное, не волнуйся, дедусь, у нас как? Был бы человек, а статья для него всегда найдется.

В общем-то этот плечистый парень с тяжелой челюстью и хмурым взглядом исподлобья был не худшим представителем патрульно-постовой службы, однако сознание собственной власти и полноты ответственности за жизнь и быт городка наполнили его неискоренимой мизантропией. Положение усугубляло то, что он не умел, не любил и не пил спиртного. В местности, где утренний стакан первача был столь же обыденным явлением, как чашка кофе где-нибудь в Германии, такой человек должен был бы казаться врагом рода человеческого. Таковым он и казался всем в округе, кроме своей приемной матери «мамы-Дуни», к которой с момента занятия молодым человеком своей должности перестали ходить даже соседи.

Усевшись рядом с ним в коляску, старикан еще долго что-то разглагольствовал о каком-то «прободении» и невесть каком «створе» и «соприкосновении», но сержант не слушал его, ибо был всецело занят проблемой выезда из обширного коровьего стада, которое, запрудив всю проезжую часть, гнал в город придурочный букашинский пастух Ерема Полбашки. Увидев отчаянную жестикуляцию сержанта, он подошел поближе. У Еремы, надо вам сказать, была одна странная особенность: он не понимал ни единого слова, если собеседник не подкреплял его соответствующими эротическими словосочетаниями или слогами. Пытаясь объяснить, что от него требуется всего лишь отогнать стадо с проезжей части, сержант вдруг обнаружил, что совершенно запутался в перечислении Ереминой родни, это во-первых, а во-вторых, что за ним внимательно наблюдает и прислушивается стайка ребятишек мал-маламеньше, из которых ему более остальных был знаком белобрысый крепыш лет десяти по имени Валёк. Запомнился он сержанту потому, что был сущим наказанием для всей школы и округи, грозой окрестных садов и огородов и непременным участником всех мальчишеских проказ, предприятий или баталлий, где и когда бы они не возникали.

– А вам что здесь нужно? – набычился Семен.

– Дядя командир! – Валек шагнул вперед, выволакивая за собой трехлетнего сопливого карапуза, чумазого, как поросенок с крепко зажатым в ручонке огрызком еще более грязного яблока. – А этот вот – змеюку видел!

– Какую еще змеюку? – сморщился Семен, подозревая, что его разыгрывают.

– Здо-оро-овую, вооо какую! – Валек старательно развел руки на максимальное расстояние. – С тремя башками и в каждой пасти зубья – во какие! – гам! – и Валек свел растопыренные пальцы обеих рук прямо перед носом зачарованно прислушивающегося к ним Еремы. Подпрыгнув как ужаленный, пастух заорал от боли, поскольку в тот же самый момент приятель Валька, подобравшись к нему сзади, оттянул ему резинку штанов и запустил туда свежепойманного шмеля. Заорав не своим голосом Ерема припустился вскачь по улице, распуская своих подопечных, а пацанва погналась за ним отчаянно свистя и улюлюкая.

Наступал вечер. Обычный теплый, летний вечер, непременными атрибутами коего в описываемых мною широтах являются множество взаимодополняющих факторов, как то: буйный, всеми оттенками пурпура полыхающий закат, влажная свежесть и даже какая-то чуть ли не физическая осязаемость воздуха, мычанье скотины, звон мошкар, песни под гармонь, чья-то пьяная ругань, посиделки на завалинках с лузганьем семечек и обязательным перебиванием костей всех мимо проходящих и прочая, прочая, свойственная лишь средней полосе матушки нашей России благодать. Однако наступивший вечер самым странным образом отличался от всех бывавших доселе на этой земле вечеров. И первой его странностью явилось полное отсутствие заката. Тьма наступила неожиданно быстро, и больше уж на сумрачном небе в ту ночь не появилось ни месяца, ни звезд. Напротив, тем жителям Букашина, кому в ту ночь не спалось, и чей взгляд порой обращался на небо, виделось жутковато-странные, прекрасные и пугающие своей красотой картины. Так, виделось им, как будто сотканные из полотнищ радужного света дворцы с длинными, алмазно блестящими шпилями, и нечто наподобие медуз, проплывающих в удушливо-жарком воздухе, и какие-

то дивные создания, скачущие верхом на еще более невероятных зверях. Малообразованные жители городка при виде всего этого крестились и бормотали «свят-свят», а более образованные, как, скажем, учитель Передрягин, записал в дневник своих наблюдений, что виданное им нынче северное полярное сияние – крайняя редкость в этих широтах, а в Букашинских летописях не упоминалось чуть ли не с Рюриковых времен. Как человек, исповедующий диалектический материализм, он во всех непонятных явлениях искал прежде всего наиболее естественное объяснение. Однако, как вскоре предстояло убедиться ему и не только ему, наиболее естественное объяснение не всегда является самым верным...

II

Если бы сторонний наблюдатель вдруг надумал бы оставить твердь земную и, вспаив ввысь над Ерофеевой пустошью, направил бы крылья своего дельтаплана, вертолета или, скажем, помела, чуть правее восходящего солнца, то, отдавшись потокам легкого южного ветерка, он в скором времени среди балок и холмов смог бы различить юркой змейкой бегущую речку Букашку. Следуя ее неторопливому течению, этот наблюдатель спустя несколько минут полета над глухими лесными чащобами и перелесками, приблизился бы к беспорядочной россыпи бревенчатых строений, со всех сторон обступивших единственную мощеную булыжником площадь, на которой высился монументальный особняк XVIII века. Вторым каменным зданием была высившаяся на окраине полуразрушенная часовня, третий же, недостроенный шестнадцатизэтажный небоскреб уже пятый год взирал на мир дырами исполинских окон и скалился выщербленными зубами беломраморной кладки. Совокупность трех каменных и пяти сотен бревенчатых строений и именовалась городом Букашиным.

История сохранила одно не вполне достоверное предание касательно топонимии данной местности. Сказывают, что во времена Крещения Руси, насаждавший в этих местах истинную веру столбовой дворянин Воибор Добрило, собрав жителей окрестных деревень и загнав их по горло в речку, добрые трое суток учил их кротости и смирению и убеждал принять учение Спасителя нашего. Остановился же лишь тогда, когда почувствовал, как кто-то пребольно куснул его в шею. Почесавши в бороде, боярин извлек из ее густых зарослей миниатюрную и донельзя противную рыжеусую тварь с шестью лапками и круглым брюшком, на вид злущую-презлущую. Даже будучи сжимаемой крепкими боярскими перстами, она шевелила лапками, усами и жвалами, изо всех сил стараясь тяпнуть карающую длань.

– Что ж это за пакость такая? – возопил изумленный Добрило.

– Вестимо что, – забубнили мужики, стуча зубами. – Это букашки наши от Хреста твоего бегут...

Строгим взором поглядел вокруг Добрило и убедился, что в данном случае глас народа и впрямь оказался гласом божьим. Несметные полчища букашек, покинув тела, шевелюры и бороды своих хозяев, видимо сомневаясь в их стойкости и дальнейшей жизнеспособности, образовали из тел своих сотоварищей живые понтонные мосты и решительно устремились на берег. Стройные колонны насекомых дружно атаковали боярскую дружину, которая усердно почесывалась в своих панцирях и кольчугах. Лошади воинов крутились на месте, вставали на дыбы и усердно мели хвостами.

– Ступай себе с богом, боярин! – взмолились мужики. – С верой твоей мы сами как-нибудь разберемся. Вишь, наши букашки совсем озверели. Съедят они тебя, как твой бог свят – съедят!

Воибор Добрило раскрыл было рот, чтобы рывкнуть на смердов начальственным матерным рыком, но, убедившись, что сам уже почти окружен превосходящими силами голодного зверья, приказал трубить ретираду и поспешил удалиться, прокляв на прощанье и букашинцев, и всю их алчную живность.

Трудно сказать, проклятие ли боярина или обилие насекомых оберегали городок от лихих исторических катаклизмов. Лишь раз букашинцам довелось выдержать настоящую битву со случайно заблудившимся в этих местах батыевым разъездом. В том бою погибли пятьсот букашинцев, все мужское население города и все до единого пятнадцать татар. В память об этом историческом сражении и была воздвигнута часовня, в стенах которой похоронили героических защитников города. Правда, в годы повального поругания церквей и этот древний храм был подорван трехтонным зарядом динамита, отчего вмиг развалился почти весь город, а оставшиеся в живых жители в момент оглохли и многие наве-

гда (потому-то, говорят, в войну их и в армию не брали). Дальнейшие отечественные беды не обходили городок стороной, хоть и не задерживались надолго. Хоругвь польских гусар выстояла здесь не более суток, французы – лишь заночевали, а немец – так и вовсе позорно бежал, обливаясь карболкой и развесив по округе тревожные вывески и надписи крупные готическими буквами: Achtung! Bucaszchein!

* * *

Вечером того же дня баянист и бузотер Гришка Семужкин с трудом добирался к родному дому. Путь его был крут и извилист. Во-первых, потому, что улицы размыло после дождя и редко какую можно было пересечь, не оставив в грязи сапога. Во-вторых, на небе не было видно ни звездочки, ни краешка месяца, хоть вчера он красовался всюю. В-третьих же, идти Гришке было трудно потому, что всю минувшую ночь и весь день Гришка гулял на свадьбе у своего племянника в деревне Лепилино.

Гришка брел, волоча за собой инструмент, спотыкаясь и падая, поминутно увязая в грязи и сопровождая каждый свой шаг непереводаемыми сочетаниями из двух, трех и более букв.

Вдалеке уже загорелся огонек родного его дома, когда из темной подворотни поразительно знакомым скрипучим голосом его окликнули:

– Гринь, а Гринь?

– Ну че те-е? – отозвался он, мутным взглядом упираясь во тьму.

– Ты... подь сюды, а? – негромко позвал неизвестный.

– А... язви твою бога в душу... – пробормотал Гришка, но подошел.

Пожилой мужчина в прорезиненном плаще, понутив голову и не глядя Гришке в глаза, попросил у него сигарету. Гришка щедро сунул ему пачку «примы». Покопавшись в ней и перебрав все, мужчина выбрал сигарету, потер, понюхал, точь-в-точь как Гришкин покойный дядя Макар Селиверстыч, что прошлым летом утонул в Букашке. Прилепив сигарету ко рту, мужчина попросил огоньку.

– Ить ведь... – буркнул Гришка, но бросил свой баян на землю, отчего тот жалобно взрыдал, полез в карман за спичками, достал их и зажег. И лишь когда мужчина начал прикуривать, обхватив по дядиной манере гришкины руки своими холодными и влажными пальцами, Гришка, уже начавший помаленьку трезветь, бросил взгляд в его хмурое, востроносое лицо и с сомнением брякнул:

– Ты, что ли, дядя Макар?

Пустив облачко смрадного дыма, мужчина поднял на него глаза и кивнул.

– Я, Гринь, я. Кому и быть, как не мне?

Помолчали.

– Ну, и как вы тут? – вздохнув, спросил Макар Селиверстыч.

– Да... живем... – Гришка пожал плечами. – Помаленьку...

– Танечка в школу пошла?

– Пошла.

– А Валёк все двойки таскает?

– Все таскает.

– А дед Федор все лежит?

– Лежит. Что ему сдееется? – отозвался Гришка, тоже доставая сигарету. Сунул ее в рот, поджег и озадаченно спросил:

– А ты... Дядя Макар, вроде бы того... только ты не обижайся, а? Ты ж вроде... того, а? Спички одна за другой ломались в его одеревенелых пальцах.

– Чего это «того»? – переспросил дядя.

– Ну... утоп, вроде...

Три спички, сложенные вместе, наконец-то зажглись, ярко высветив лицо Макара Селиверстыча. Оно было в точности таким, каким его год назад увидел Гришка, когда дядю вытащили спустя неделю после пребывания в омуте: иссиня-черное, с оскаленными зубами и закатившимися фарфоровыми белками.

– Ну... утоп, – подтвердил дядя, дохнув на Гришку запахом тины, гнили и разложения. – Бывает. И не то в жизни бывает.

– Оно-то... конечно... – еле слышно проронил Гришка, с которого моментально сошел весь хмель.

Спички, догорев, обожгли ему пальцы. Гришка, ругнувшись, отбросил их в сторону, еще раз глянул на воскресшего дядю и... совершил виртуозный прыжок с места назад, спиной вперед на самую середину улицы, под лучи единственной городской лампы.

Из темноты вослед ему алчно клацнули зубы.

– Ты... куда ж... Гринь?! Куда?.. – проскрипел дядя, протягивая к нему руки с длинными когтями и заходясь трескучим деревянным смехом. – Сам же ко мне придешь... все – придете!.. – и вновь захохотал.

Этот смех еще долго стоял в ушах Гришки, который неся по улицам родного городка, не разбирая дороги...

* * *

В кооперативном кафе «Чудо-Юдо» в тот вечер, как и всегда по вечерам гремела стереофоническая музыка, и бравый экс-«морской волк» Черноморского пароходства Миня Караулов, стоя за буфетной стойкой, демонстрировал посетителям достоинства видеомagnetофона Джи-Ви-Си, привезенного им из знойного Гонконга. На экране громадного «Шарпа» наяривал чечетку Рэй Паркер, напевая песенку о привидениях, а те, жутковатые и загадочные, преследовали полураздетых девиц и приводили в ужас обывателей.

Собравшийся в полутемной зале с обомшелыми сводами, разрисованными картинками из русских сказок, «цвет города» цокал языками и покачивал головами.

– Вай! Как... скачет! – обратился к арбузнику Тактымбаеву картошечник Абдирянц. – Самсэм как братья Гусаканы.

– Якши... – закивал головой арбузник.

– Я грю, страхулядин окле себя собрал, – встрял в разговор Боб Кисоедов, бывший городской маляр, с некоторых пор объявивший себя «свободным художником». Недавно, разрисовав кафе русалками и лешими, он на целый год выторговал себе право накачиваться в нем спиртным бесплатно, и теперь старался употребить максимально возможное количество означенного продукта. Супруги Карауловы, прикинув расходы, пошли на эту сделку, но поздно поняли, что в своих расчетах не учли ни поглощающих способностей Боба, ни широты его натуры – он не только пил как губка, но еще и задарма поил всякую шушера. Не соглашался он и пьянствовать где-либо вне стен, собственноручно им расписанных, ибо неустанно требовал восхищения публики.

– Я грю, рази ж это призраки? – гундел он под носом у почтенных купцов-барышников. – Тьфу, а не привидяшки, так, шушера мелкая. Во-он, какой нечисть должна быть! – восклицал он, указывая на сумрачно-темный бесплотный лик на центральном панно. Призрак и впрямь был отменный, будто срисованный с натуры. Был он черен словно сам мрак, но где-то в глубине этой темноты просматривалось некое непередаваемое мерцание чего-то, заменяющего ему глаза и проблеск пока еще не раскрывшихся во всей красе своей клыков. Во тьме этой чувствовалась непередаваемая словами физическая мощь и, что самое странное и страшное, недюжинная духовная сила, ибо выступал он, гордый и могучий, во главе

легиона бесов, ведьм, вампирчиков и прочей нечисти рангом помельче, как-то: вурдалаков, леших и домовых, не считая русалок, скелетов и каких-то еще гадов на редкость отвратительного типа. И вся эта нечисть, возглавляемая Черным Призраком, шла, перла, давила, неслась вперед, казалось, грозя через мгновение раздавить, смять и размазать по стенкам всех посетителей кафе.

Налюбовавшись своим творением, Боб загоготал и захлопал в ладоши, выражая свой восторг танцем в стиле «брейк», который на площадке исполняла дочка «отца города», Сашенька Бузыкина. Худенькая, затянутая в черную с заклепками кожу, с головой, напоминающей бело-голубую астру, она не блистала особыми статями, но умела производить впечатление. По словам Боба, она была «столичной штучкой» и всем своим видом старалась подчеркнуть, что в эту глухомань ее забросил злой рок. Недавно появившись в городке, эта миловидная девушка стала главой местных рокеров и золотой молодежи. К таковой себя причисляли и бывшие в тот вечер в ее компании главный местный бандит и бывший комсомольский вожак Жора Кашежев, молодой прораб Федюня Цыганков и пышнобедрая Лиана Бабурова.

Вокруг них за двумя столами спереди и сзади сидела местная «братва», во всяком случае так они себя называли. На самом деле это была самая обыкновенная банда молодых ублюдков, которая рэкетировала и обирала весь город пользуясь молчаливым попустительством «отцов города». Половина доходов от рэкета, наркотиков и фальшивой водки шла прямым ходом в карманы Бузыкина и Колоярова (о чем знал весь город, знали и в области, и даже писали разика два в оппозиционных газетах позже без вести пропавшие репортеры) – и беспрекословное соблюдение этого порядка служило основой стабильности в городке.

Музыка гремела, экран светился всеми цветами радуги, прелестная Бони Тэйлор, страдая в руках насильников, слезно призывала героя, и уж мчался с дальних техасских гор ей на помощь белозубый ковбой в белоснежной шляпе, а хозяин кафе, Миня Караулов, несокрушимой грудой возвышался над стойкой, бодро взбалтывая коктейли (перекупщикам захотелось попробовать «хайбола»). «Ну, мля, я вам, суки, щас смешаю такой «х...бол», про себя говорил Миня, три дня икать, падлы, будете...» – и старательно взбалтывал подозрительного вида суспензию из спирта, бормотухи, экстракта «фанты» и домашней бражки, время от времени попкивая туда дихлофосом из баллончика. Делая это, он зорко следил за посетителями, которые все уже постепенно пришли в достаточно нетрезвое состояние, чтобы их можно было обдирать как липку. Неспешно прикидывая в уме выручку, он не сразу обратил внимание на призывный взор своей супруги Аннушки, исполнявшей при кафе обязанности официантки, судомойки и уборщицы. Взгляд ее недвусмысленно источал тревогу. Миня моментально отложил шейкер и двинулся на подмогу. Подойдя, он обнаружил, что за столиком, огороженным декоративной решеткой от общей залы, который держали, как правило, для самых уважаемых гостей и проверяющих, привольно расположилась отталкивающего вида старушонка с большим горбатым носом и уродливо оттопыренной нижней губой. Одетая она была в овчинный тулуп мехом наружу и какую-то засаленную кофту. Рядом с нею в барочном кресле стояла выдававшая виды облезлая и неопрятная метла. Хихикая и взвизгивая от удовольствия, она поигрывала с маленьким злобным хорьком, который с шипением прыгал по столу, расшвыривая хвостом столовые приборы и салфетки, щерил зубы и вертелся юлой, издавая самый препоганый запах, который только можно себе вообразить.

Пронзив испепеляющим взглядом сидевшего с осоловелым видом у дверей вышибалу Микиту, хозяин кафе надел на физиономию самую холодную и презрительную из своих улыбок и, вскинув озабоченно брови, негромко произнес не предвещающим ничего хорошего тоном:

– Гражданочка...

Не обращая на него внимания, старушонка резвилась со зверьком, который вдруг оказался ростом чуть ли не с кошку, хотя мгновение назад вполне поместился бы в рукавице.

– Гражданочка, сюда с животными вход воспре... – не договорив, бармен замолчал.

Старушонка лишь взглянула на него, и бравый Миня, отошедший на судах родного пароходства все моря и океаны, не покидая теплого буфета, сразу же уловил в ее взгляде тяжелый и властный огонек силы. И потому он немедленно сменил улыбку на радушную и дружелюбную, и мороз в его глазах сменился лаской и теплотой, позвоночник, повинаясь годами выработанному рефлексу, изогнулся в виде буквы S, и, приняв самую раболепную позу, Миня осведомился:

– Чего изволите-с?

Это «с» родилось в нем произвольно. Эта крохотная, неуловимая, еле слышимая частичка, этот, не звук даже, а нечто вроде шипения, импонировала власти имущим, где-то в глубине души возвеличивая их над самим собой.

– Шм-м-мпанского, – процедила сквозь зубы старуха, откидываясь в креслах на манер светских львиц из фильмов сороковых годов.

– А зверечку – сахарочку? – игриво осведомился Миня, скосив глаза вбок и тут же вытаращил их, разинув рот и захлопал им, как рыба, выброшенная из воды. Хорька и след простыл: вместо него на столе развалился ражий рыжий детина в легкой маечке, которая не скрывала буйной поросли на его плечах, шее и груди. Коренастый, с длинными руками, должно быть, достававшими до колен, он шипел и поигрывал своими бицепсами, способными устыдить самого Шварценеггера, и скалил острые зубы, словно примериваясь, как бы половчее вцепиться бармену в горло.

– Фи, фи, Аредишко, – выговорила ему старуха. – Зачем его когтить, он и так наш с потрохами, а? – она изучающе взглянула на хозяина.

– А... – Миня судорожно сглотнул и, жизнерадостно заулыбавшись, осведомился: – Кушать что будем-с? – при этом он жонглировал меню и одновременно смахивал со стола невидимые крошки и сдувал незримые пылинки со стаканов, перекладывая ножи и вилки, выстраивая фужеры и рюмки согласно западному этикету.

– ...икорка черная, красная, балычок, сервилатик, салями, севрюжка пареная, крабики... – бормотал Миня, как заклинание.

– Поросеночка бы разварного с кашей... – пробурчала старуха, – расстегайчиков, блинов с вязигой...

– А платить чем будем? – остановил ее Миня. Внешность, оно, конечно, внешностью, интуиция – интуицией, но Миня не был бы самим собой, если б доверял таким эфемерным понятиям. Мало ли какие нахальные оборванцы разгуливают по матушке-земле?

Но, произведя едва уловимое движение пальцами, старуха подбросила нечто круглое, тяжелое, желтоблеснувшее, что Миня мгновенно перехватил на лету, ощупал, обнюхал, куснул, сжал в кулаке, а затем отправил в потайной кармашек жилетки. Ему даже не потребовалось глядеть на монетку, чтобы узнать на ней чеканный лик последнего российского самодержца.

– Айно моменто! – провозгласил Миня, собирая со стола скатерть со всем ее содержимым и вручая ее подоспевшей жене. Затем самолично застелил стол панбархатным, расшитым золотом покрывалом и распорядился подать столовое серебро и хрусталь. А сам стремглав полетел на кухню...

* * *

Сидя верхом на своем старом, побитом мотоцикле, старший сержант Семен Бессчастный уже отчаялся выбраться из обширной лужи, в которую угодил ненароком и засел аж по самые колеса. «Ижик» сидел крепко и наружу выбираться не собирался.

Букашинские дороги были сущим проклятием в течение последней тысячи христианских лет. Властей придержащих проблемы бездорожья как-то не волновали. Лишь в начале нынешнего века градоначальник барон Фуфиков совсем уж собрался было замостить дорогу от города до железнодорожной станции и уже дал команду сгонять крестьян и арестантов на работы, но ухитрился исключительно неудачно усесться на бомбу, которую под его кресло в присутствии подложили анархисты. С тем он и оставил свое благое намерение, вымостив им собственный путь в геенну. Все же последующие «отцы города», не исключая нынешнего, были заняты делами куда более важными. Каждому из них, мечтающему подольше усидеть на своем месте, изо дня в день приходилось бороться «за», решительно выступать «против», старательно выказывая нерушимое единство «с», так что после очередного дождика все дороги продолжали превращаться в непролазную трясику, и городок оказывался напроць отрезанным от цивилизованного мира.

Вновь и вновь пытался Семен выволочь своего скакуна из грязи, но тщетно. Отчего-то в памяти возникли последние слова старика Всеведа, который перед тем, как отправиться в КПЗ, с горечью посмотрел на Семена, укоризненно покачал головой и сказал осуждающе:

– Эх, сынок коровий, не в ту сторону ты поехал, где не надо и застрянешь... Вижу, вижу на тебе печать Каинову!..

– Точно, сглазил он меня, старый хрыч! – придя в ярость при этом воспоминании воскликнул Семен. Однако не особенно поверил в это, поскольку не веровал ни в сон ни в чох, ни в честное слово, а только лишь в то, что от государства ему дана непререкаемая власть над этими суетливыми и вечно полупьяными людишками, и покуда он будет жив, то и будет эту власть осуществлять.

С каждым движением колеса все глубже погружались в глину, которая уже подступала к седлу. Попытки выволочь машину вручную к успеху не привели. Выключив двигатель, сержант взобрался на коляску и огляделся. Вокруг царил первозданная тишь. Ночь была хоть и безлунной, но ясной. Неподалеку высокой, темной стеной стоял густой лес, до которого еще не успели добраться цепкие лапы Федюни Цыганова. За лесом и песчаной косой, густо поросшей камышом, мелодично плеская, блистала речка.

Провести всю ночь (такую ночь!), сидя в грязи, на дороге, в каких-то трех километрах от дома казалось Семену невыносимым. Сердце его рвалось в город, и не без основания. Во-первых, он сдавал дежурство и собирался в досталь отоспаться. Во-вторых, его престарелая приемная мать, прозванная мамой-Дуней, ужасно недовольная избранной им профессией, любую его задержку расценивала, как ЧП со смертельным исходом и немедленно шла «искать правды» у Семенова начальника, майора Колоярова. Встречая поутру его насмешливый взгляд, Семен краснел и молча страдал. В-третьих же и в-четвертых... нет, Семену положительно требовалось попасть в город нынешней ночью, как по служебной надобности, так и по личному интересу.

Совсем недавно, возвращаясь с дежурства, он едва не налетел на полуночного мотоциклиста. Неудачно вильнув в сторону, мотоцикл заграничной марки ухнул в кювет, а водитель вылетел в противоположную сторону, в крепкие объятия постового. Каково же было изумление Семена, когда он обнаружил, что сжимает в руках Сашеньку Бузыкину. Девушку всю трясло, но поскольку от удара и падения она не пострадала, а кроме того шел третий час ночи, Семен устроил ей форменный допрос, крепко выругал и отобрал права. При этом

девушка так посмотрела на него, что Семен сразу же потерял всякий аппетит и сон. Не забудем, что было ему лишь чуть больше двадцати трех, что недавно он отслужил армию и что всяким его контактам с местными представительницами прекрасного пола мешал зримый, либо подразумеваемый силуэт мундира.

Неожиданно откуда-то издалека ему послышалась тихая и нежная мелодия. Всмотревшись в лесную чащу, он различил за деревьями слабое сияние, в котором колыхались какие-то странные тени. Решительно прыгнув с мотоцикла и одернув свой мундир, наш герой двинулся в направлении леса, откуда доносилась эта удивительная музыка, рассчитывая с помощью предполагаемых туристов извлечь свой многострадальный мотоцикл из цепких объятий дороги.

Чем ближе он подходил, тем ярче разгорался свет, принимая удивительный розовато-сиреневый оттенок предрассветной поры, мелодия становилась все более явственной, но она звучала уже не с какого-либо определенного места, нет, эта музыка, непохожая на все, слышанное им ранее, казалось звучала отовсюду, рождалась прямо в душе его или гремела с небес. Представлялось, что она исполняется неведомыми гулками и полнозвучными деревянными инструментами, которым аккомпанируют множество очень тихих и гармонично сочетающихся с ними серебряных колокольчиков, ударяемых такими же серебряными молоточками. Подойдя же еще ближе, Семен раздвинул кусты, вздохнул от изумления, да так и остался стоять с раскрытым ртом и выпученными глазами.

Давно знакомая ему местность вдруг совершенно преобразилась. Он, без всякого сомнения, находился на излучине Букашки, в том месте, где она особенно густо поросла камышом, но сегодня с речкой произошла удивительная метаморфоза: она буквально струилась живым светом, в ней поминутно возникали искрящиеся фонтаны, или их выпускали диковинные рыбины с алмазной чешуей и рубиновыми глазами, которые порой выпрыгивали из воды? И тростник казался совсем живым, он нежно шелестел, стлался и танцевал под небесную музыку, изумрудные же лягушки перепархивали с куста на куст, разливая дивные рулады.

Но не это было главное, поразившее Семена. На отлогом берегу, почти уткнувшись радиатором в воду стоял перевернутый молоковоз, а неподалеку от него в трех шагах от места, где воды Букашки омывали обширный пойменный луг, танцевали от полутора до двух десятков девушек в причудливых, чтобы не сказать легкомысленных одеяниях. Легкая газовая ткань не скрывала атласной белизны их нагих тел, движения их рук и ног были предельно отточенными, будто раз и навсегда заданными и вместе с тем невообразимо сложными, изысканно-витиеватыми... Танец их приковывал к себе взор, полнозвучная, прозрачная мелодия завораживала, наполняло тело умиротворением и покоем. Более того, ноги их не мяли траву, но как будто порхали над ней в бликах лунного света. На самом же деле этот свет исходил от самой поляны, от травы и воды, он лился с деревьев и кустов, столпившихся вокруг луга неподвижной и угрюмой, несмотря на освещение, стеной.

Однако, насколько элегантным и прелестным казался танец девушек, настолько же смешным и нелепым выглядел перепляс владельца молоковоза, уже знакомого нам Ююка. Он вразнобой заламывал руки и дрыгал ногами, высоко подбрасывая вверх то одну, то другую. В иное время его пляска показалась бы комичной, но сейчас она выглядела уродливой и жалкой. Неожиданно каким-то подсознательным чувством Семен ощутил, что Ююка не просто пляшет, нет, он отчаянно пытается вырваться из круга полуобнаженных красавиц, что дрыгаясь всеми конечностями он пытается выпутаться из плена незримых тенет, которые опутали его и медленно, но верно подталкивали его к самой воде, к губительному омуту, где сгнуло уже немало людей, в том числе в прошлом году Макар Селиверстыч. Более того, ощутил Семен, что Ююка отчаянно устал и до одури напуган, что он держится из последних сил, а неожиданно блеснувший свет выглянувшей из-за туч луны высветил на его лице

влажно блеснувшие дорожки слез. И в том же самом луче в кустах блеснула сержантская кокарда. Увидев ее, Ююка разинул рот в отчаянном и безмолвном вопле. Семен Бессчастный решительно раздвинул кусты, вышел на поляну, поднес к губам свисток и дунул. Резкая трель острым коловоротом впилась в гармонию чарующей мелодии. Танец оборвался. Лица девушек повернулись к сержанту.

– Гляньте, девоньки, какой славный молодец, – произнесла, как пропела одна из девушек с распущенными волосами, светлыми, медового цвета с зеленоватым отливом. На голове ее красовался пышный венок из кувшинок.

– Милый, милый молодец... – хихикнула девица в венке из ромашек.

– Какой робкий... – защебетали прочие девицы. – Какой добрый и славный... – нежно лились их голоса, но лица оставались спокойными и бесстрастными, а губы – сомкнутыми и мертвенно-бледными. По лицам их не пробежало ни единой улыбки, несмотря на то, что явственно слышался смех, не одна морщинка не искадила молочно-восковой глади их щек и лбов. Но особенно поражали их глаза – большие, глубокие, темные, в которых, казалось, совершенно, напрочь отсутствовал белок, и глубокий черный зрачок зиял глубоким таинственным омутом.

Нерешительным движением сержант коснулся кобуры.

– Он не доверяет нам... – послышались голоса, – ...он боится нас... Не бойся нас, ладо!.. Мы – любим тебя!.. Мы – невесты твои... Мы будем твоими женами... подругами... любимыми...

С каждым движением они приближались, не совершая при этом ни единого шага. Они как бы смыкали круги, переходя одна в другую, суматошной вереницей мелькали перед глазами их обнаженные руки и груди. От этого невероятного перелива Семен остолбенел, голова его закружилась, взгляд рассеялся и помутнел, непрерывно следя за начинающимся танцем. Лишь какой-то странный далекий шепоток в дальнем уголке мозга быстро и тревожно повторял: «не спи... беги... не спи... не верь... не слушай...»

– Милый ладо... – мягко прошелестела одна из девушек, приблизившись на расстояние вытянутой руки. – Люби меня, желанный...

– Бери нас, нежный, коханный, сладкий, юный наш... – отозвались другие.

– Будь моим, славный мой... – прошептала первая. И взгляд ее был тяжел, глубок и темен. Завораживающий и манящий, он наливал тело теплом и тяжестью, заставлял мышцы цепенеть и двигаться в каком-то судорожном, настойчивом ритме. От девушки явственно исходило дыхание холода, смешанное с тонкими ароматами тины и водяной гнили. И вдруг сержант понял, что так поразило его во взгляде девушки – у нее не было глаз!

Соболиные брови и бархатные ресницы окаймляли пустые глазницы, на дне которых копошились мерзкие белые черви...

Неожиданно взревел мотор молоковоза. Машина рванулась с места и, не разбирая дороги, помчалась по поляне, выруливая из лесочка на дорогу. В кабине Семен успел различить искаженное ужасом лицо Ююки, взмахнул было рукой, но тот, не обращая на него внимания, правил дальше. Открытая правая дверца машины тяжело и гулко хлопала.

В следующее мгновение сержант почувствовал, как ледяные руки обхватили его тело, голову, шею, ноги, и потянули, поволокли к омуту. Иссиня-белые губы, раскрывшись, приблизились к его лицу, остудили его своим ледяным и гнилостным дыханием.

В эту минуту из кабины молоковоза выпал мешок, раскрылся в падении и из него показалась голова петуха. Резко встрепенувшись и вытаращив глаза, петух разинул клюв и истошно закукарекал.

В единый миг число девушек неожиданно сократилось, плотный строй их несколько поредел, они отдалились от сержанта на несколько метров. Незримые пути, скрывавшие

тело юноши, несколько ослабли, теперь он почувствовал, что в силах растянуть их, отбросить, если не до конца разорвать.

Со вторым криком петуха призраки съежились и значительно уменьшились в размерах. Некогда нежные голоса их слились в один тонкий натужный вой. Петух крикнул в третий раз – и пропало и сияние, и музыка, и девицы. Видение вмиг исчезло, будто его и не было.

Икнув и похлопав глазами, Семен, не разбирая дороги, кинулся к шоссе. За ним с истерическим кудахтаньем поспешил петух. Мотор, как ни странно, завелся с пол-оборота, и мотоцикл (то ли ему передались чувства хозяина, то ли устал он от долгого стояния) напряг оставшиеся силы и, вырвавшись из плотного глинистого плена, умчался в город.

Стискивая коленями теплые бока своего железного скакуна, и выжимая из него все, на что он был способен, старший сержант Бессчастный вновь и вновь прогонял сквозь память недавний инцидент и составлял в уме рапорт, который прозвучал бы достаточно убедительно для майора Колоярова, дабы не заподозрил он сержанта в неумеренном потреблении ююкиного пойла. Спустя четверть часа от души его отлегло и все только что случившееся, возможно, в скором времени могло бы быть им сочтено ночным кошмаром, плодом усталого, больного воображения, возможно он бы и вовсе забыл про свою встречу с жуткими девицами, если бы не живое тепло сидевшего у него за пазухой петуха. Он зорко пялил во тьму глаза, бдительно дергал из стороны в сторону головой, увенчанной роскошным мясистым пурпурным гребнем, до такой степени отчетливо повторял «ко-ко-ко», что Семен окрестил его Кокошей. Тот, нам думается, не возражал.

III

Петр Федорович Бузыкин, плечистый, представительный мужчина лет пятидесяти, занимал в Букашине должность одного из главнейших «отцов» города. В ту памятную ночь он сидел в своем просторном, выложенном полированными дубовыми панелями кабинете на втором этаже белокаменного особняка, расположенного на единственной городской площади, к которой сходились все прочие улицы городка. У этого массивного и помпезного строения в стиле «русское барокко» была бурная и трагическая история. Двести лет назад его выстроил первый граф Мордохлюев, елизаветинский вельможа, изумлявший даже современников редкостной своей скаредностью и свирепостью. Дошло до того, что родные дети заковали его в цепи и замуровали в мрачном подземелье, однако сокровищ папаши, как ни искали, так и не нашли. Полтора ста лет спустя в этом здании, единственно приличном в Букашине, располагалось Дворянское собрание, потом резиденция градоначальника, затем волисполком, затем – штаб атамана Голопупенко, после того – Дворец Труда, потом – горсовет, после них очень ненадолго в здании обосновался гитлеровская комендатура. После войны здание почти сорок лет занимали несколько различных общественных организаций, пока всех их не вытеснила одна. Словом, в разные времена этот приземистый особняк со стеклянным куполом и толстыми фальшивыми колоннами на фасаде служил исключительно административным целям. Здание это было особенно близко сердцу Бузыкина, ибо на его обустройство, ремонт и возвеличивание он положил без малого пятнадцать последних лет беззаветного труда.

В ту ночь Петр Федорович старательно трудился над текстом своего выступления на грядущем совещании в области, на который он имел очень большие виды. Неожиданно в кабинете погас свет. Бузыкин поморщился и взялся было за телефонную трубку, желая позвонить дежурному милиционеру Мошкину, как вдруг двери его кабинета с ужасающим скрипом растворились, впуслав внутрь струю ледяного воздуха вкупе со странным, голубовато-розовым свечением, разлившимся по кабинету, наподобие северного сияния. Прозрачным, мерцающим огнем загорелись спинки стульев, фиолетовым сиянием замерцал полированный стол, синие искры посыпались с подвесков обширной хрустальной люстры. Пока Бузыкин приходил в себя, свечение несколько померкло, будто сконцентрировавшись в одном пучке, и в нем вырисовалась фигура, с каждой секундой принимавшая все более конкретные очертания. Это был сутулый старичок в ветхом камзоле и парике по моде XVIII века. Оглядевшись, он крикнул, откашлялся и со странным смешком произнес:

– Н-да-с... милостивый государь, давненько уж не гулял я на воле...

– Вы... э-э-э, простите, кто такой будете, гражданин? – вежливо, но твердо, пытаясь перебороть охвативший его трепет спросил Бузыкин. – И что вам здесь в такое время нужно?

Старик осклабился и желчно произнес:

– Я с вашего позволения, сударь, не гражданин здесь, а господин. Именно так-с, милейший! – хрипло выкрикнул он, и голова его судорожно затряслась. Однако он вскоре взял себя в руки и продолжал более спокойным тоном, холодно и надменно чеканя слова: – Здесь, любезнейший государь, дом мой, а сам я, да будем вам известно, ни кто иной, как первый граф Мордохлюев. Можете звать меня просто «ваше сиятельство».

– Ну... вы, вот что, гос... гражданин, – деревянным голосом произнес Бузыкин, – граф вы или не граф, а этот дом уже давно является казенным учреждением и находится на балансе госкомимущества. Вы здесь посторонний. А для посторонних у нас существуют приемные дни и часы. Вы можете записаться ко мне на прием: я принимаю граждан в каждый нечетный вторник с половины седьмого до...

Эти слова развеселили графа. Он откинулся в кресле и расхохотался. От его густого раскатистого смеха тоненько зазвенела люстра, задребезжали оконные стекла, завибрировал и поехал в сторону стол.

– Ан ты, шельмец, молодцом держишься! – одобрительно сказал граф, вволю насмеявшись. – Призраков не боишься, – и сверкнул глазами так, что Бузыкина с головы до пят пробила мерзкая ледяная дрожь. Он изо всех сил куснул себя за руку, силясь прогнать наваждение, которое ему до сих пор представлялось дурным приснившимся кошмаром. Увидев это, Мордохлюев издал противный скрежущий смешок.

– Кусайте, милс'дарь, сильнее кусайте, – весело предложил он. – Терзайте самое себя, как и я терзал плоть свою, мучимый прелестными чадами своими, кои заживо схоронили меня в мрачном подземелье. Пытаемый невыносимыми муками голода, обгрызал я собственные руки, моля господу или сатану даровать мне смерть, как величайшую милость... Но и смерть не принесла мне покоя...

Он протянул вперед руки, и Бузыкин увидел, что пальцы его, ладони, запястья вплоть до предплечий обглоданы до костей, с которых ошметками свисали пожухлые волокна. На него пахло смрадом гнилого мяса. Бузыкина передернуло.

– Ай, струсил, голубчик! – хихикнул призрак и неожиданно раздвоился на две совершенно идентичные фигуры. Они переглянулись, хмыкнули, единообразным движением подкрутили усы и вмиг учетверились. Затем их стало восемь. Потом шестнадцать...

С каждым мгновением ряды привидений множились. Светящиеся фигуры все теснее и теснее обступали Бузыкина. Он в отчаянии схватился было за телефон, но трубка со шнуром неожиданно трансформировалась в торчащий на длинном хребте череп, который оглушительно звонко лязгнул зубами, чуть не отхватив Бузыкину ухо. Он шарахнулся в сторону от черепа, пробив однообразный строй привидений, и упал на пол. Над лицом его с гадостным писком прошмыгнули летучие мыши.

– Нет!.. Нет! Прочь отсюда! – завопил Бузыкин, метаясь по кабинету. – Спасите! Кто-нибудь! Сюда!.. На помощь!!

– Так же и я взывал к Спасителю, – захохотали графы, множась с каждым мгновением и беспрестанно меняясь местами, будто исполняя какой-то замысловатый менуэт, – и каялся, и возносился, и призывал на помощь все силы рая и ада. Но никто ко мне не пришел и издох я всеми позабытый...

– Ах, оставьте свой синематограф, ваше сиятельство, – прогудел откуда-то густой бас. Число графских призраков немедленно сократилось до одного, который стоял в центре кабинета. К нему торопливо, танцующими прыжками приближалась какая-то странная фигура. Сначала Бузыкину показалось, что этот человек старается держаться непременно одним боком к нему, когда же тот приблизился, обнаружилась ужасная картина: левая половина тела этого высокого дородного мужчины напрочь отсутствовала. Туловище, кое-как прикрытое остатками синего генеральского виц-мундира, являло собой сплошную кровоточащую рану. Часть его румяного и дебелого лица также была снесена. Пышный вихор, сохранившийся на лбу падал прямо на обнаженную мозговую ткань.

– Разрешите представиться, – сказал новый призрак, обратив на Бузыкина взгляд крупного, чуть на выкате глаза с белым, будто фарфоровым налитым кровью белком, – Фуфигов Максимилиан Каллистратович, градоначальник сего славного града, зверски взорванный анархической бомбой 16 мая 1903 года. Рад приветствовать своего преемника на его нелегком, исполненном опасностей посту, – он протянул сохранившуюся руку.

– Э-э, бросьте, ваше превосходительство, – иронически хмыкнул граф, – нынешняя молодежь уж в градоначальников не стреляет. А надо бы...

Увидев настойчиво протянутую ему руку, Бузыкин машинально пожал ее и тут же затрясся и закричал, пронизанный сильным ударом тока. Сильно запахло озоном. Из глаз

губернатора посыпались голубые искры, он хохотнул и приблизил свое лицо. Из последних сил Бузыкин выдернул руку и провалился в темноту.

Некоторое время он, очевидно, провел без сознания. Когда же пришел в себя, то увидел сидящего перед ним на корточках мужчину в ватнике, который глядел на него пристальным взглядом из-под круглых очков и укоризненно покачивал головой.

– Как же это вы так, батенька, – негромко с укоризной произнес он. – Или вы не знаете, что привидения имеют электрическую природу? Потому-то они и являются чаще всего на возвышенных и пустынных местах, в разрушенных нежилых строениях, в которых пересекаются силовые линии магнитосферы, чаще всего перед грозой. Не сказал бы, что мертвечина сильно уважает статическое электричество, но дело тут, видимо, во взаимодействии остаточного мозгового магнетизма с...

– Саня... где ты, Саня... – тихо позвал его кто-то. – Я не вижу, Саня...

– Минуточку, – человек в очках метнулся к двери и осторожно ввел в кабинет полуобнаженного человека в одних галифе. Тело его было покрыто ожогами и вырезанными прямо на коже кровотокающими звездами. Он брел на ощупь, не поднимая понуренной головы.

– Поглядите, Сергей Сергеич, кто нынче у нас в гостях, – сказал очкастый, подведя его к Бузыкину.

Лишь сейчас, когда он повернулся в профиль, Бузыкин узнал в нем секретаря подпольного райкома Прибоева. Народный любимец, он сумел провести коллективизацию так, что обошелся без крестьянских бунтов и расстрелов. Это-то ему и поставили в вину. Отсидев восемь лет в областной тюрьме, он был освобожден немцами, однако не стал с ними сотрудничать, а возглавил партизанский отряд, изрядно фашистам навредивший. За что он и был в силу несокрушимой сталинской логики сразу же после войны арестован и расстрелян. Его семью в силу той же логики сгноили в лагерях.

Его полуголый спутник поднял голову. Бузыкина чуть не стошнило от отвращения, когда он увидел, что нижние веки этого призрака были вырезаны и огромные глазные яблоки бессильно повисли на волокнах нервов, как на белых ниточках. Этого человека Бузыкин тоже знал. Это был комиссар Сергей Лачугин, растерзанный духонинцами в девятнадцатом. Его именем в Букашине называлась улица, школа, площадь и библиотека.

– Чистенький... – сдавленным шепотом произнес комиссар. – Бритенький... Сытенький какой... А имеешь ли ты право... – начало было он громко и вдруг задрожал, судорожный кашель всколыхнул его изувеченное тело. – Имеешь ли ты право сытым быть? – шепотом спросил он. – Кто тебе разрешил жрать за двоих, пить за троих и при этом спать спокойно? Кто позволил тебе успокоиться? Почему ты не кричишь, не бьешь в набат, почему не собираешь людей, не ведешь их за собой, не агитируешь, а спокойно оставляешь их тонуть в трясине мелкобуржуазной своей повседневности?

– Вот-вот, – ухмыльнулась половина губернатора, – так вам, хамам, и надо. За что боролись на то и напоролись. А ведь вроде так логично казалось: отнять у богатых добро и разделить по беднякам. И все сразу станут богатыми. Ан не-е-ет! Четверочка-то по логике свою рольку сыграла, – он гаденько хихикнул, – и бедные холопы создали свой холопий рай. А главными над ними встали обер-лакеи и метрдотели, привыкшие допивать за хозяевами недопитые рюмки и догрызать объедки. И никто их воровство не осуждает, все глядячи на них облизываются и лишь о том и думают, где бы и как бы чего самим урвать. Вот во что вы превратили наш «третий Рим»!

– Бога, Бога позабыли... – гнусаво в тон ему подтянул граф. – День-деньской бродишь между стенами и только одно и слышишь: ах, а где бы вот то-то достать! ох, ей тот-то принесли! а тот-то другое оторвал! а кто-то еще тоже что-то отхватил, где бы и нам того-то... Тьфу! А еще государственные люди... Эх, суета суетная и всеобщая суета...

– Впрочем, может, он не так уж и виноват? – как бы размышляя предположил Товарищ Саня. – Откуда ему знать о бедах народных, если принимает он лишь по нечетным вторникам...

– Да не принимает он народ... – скрипнул зубами комиссар. – На дух он народ наш не приемлет. Он от него отгорожен стеной каменной. К душе его не пробьешься, не достучишься. Глянь-ка, брат Саня, мы с тобой классы ликвидировали, а оне в касты преобразовались, хуже, чем у энтих, у индусов. Чиновничья каста, торговая, врачебная, генеральская – а народ-то, народ весь – неприкасаемый... Эх, да что о нем толковать. Под трибунал гада и к стенке!

– Судить!.. Судить! – оживились призраки и принялись суетливо выстраивать в ряд стулья и сооружать из невесть откуда взявшихся костей и черепов скамью подсудимых.

– Фи, мейне херрен, – прошамкала фигура, до сих пор маячившая в отдалении. Ввиду того, что она была почти полностью сожжена, лицо ее владельца было трудно разглядеть. На обуглившемся черепе ясно выделялся лишь монокль и массивный крест, приколотый под подбородком. – Ви должны оставлять ваш дурачки русски привычка митингофайт. В любом случает дьело фюрера хоть и через полвека – побеждайт. Россия опречена стать колонией западной цивилизации. И потому этому достойному диверсанту я охотно вручайт шелесный крест!.. – с этими словами призрак снял с себя и повесил на шею Бузыкину свой массивный крест со свастикой.

– Тьфу, – химвельхеррготт-доннерветтер! – с удивлением рявкнул граф. – Как же это к нам такой немецкий ферфлюхтер затесался? Вроде бы его никто не звал!

– С фашего посфоления, – гитлеровец щелкнул остатками каблуков, – обершарфюрер СС Отто фон Кляйзер. Зферски упит польшефиками фо фрьема партизанского нальёта...

– Бей гада! – гаркнул комиссар Лачугин, замахиваясь на фашиста невесть откуда взявшимися обломками шапки.

Однако на комиссара неожиданно бросился губернатор. Тому подставил ножку граф и началась свалка, во время которой поднялся дикий гвалт, грохот, свист, хохот, визг, скрип и скрежет, смешанные с вороньим карканьем и писком летучих мышей. Стуча зубами от страха, Петр Федорович на четвереньках подобрался к окну, судорожно перекрестился и с истошным воплем выбросился наружу...

IV

Вышибала кафе «Чудо-Юдо» Микита, стоя в дверях, недоумевающим взглядом поглядел на затрапезного вида старушонку и ее коренастого хорякоподобного дружка, которые неведомо как ухитрились прошмыгнуть под его руками и теперь восседали за литературным столиком и веселились вовсю. Миня перед ними расстился мелким бесом. Причин подобной угодливости Микита не понимал, а потому, сплюнув под ноги, отвернулся и принялся ленивым оком озирать пустынную в этот поздний час улочку. Во тьме безлунной ночи вдалеке одиноко поблескивала на брусчатой площади дорожка, которую отбрасывал мигавший дурным желтым светом единственный букашинский светофор, неведомо зачем вывешенный перед бывшим графским особняком. Неожиданно в тени могучей ветлы, подпиравшей стены ветхой амбулатории возникли два сиреневых огонька. Вначале Микита подумал, что так могли бы светиться подфарники бузыкинского «уазика», если бы их по ошибке выкрасили в другой цвет... Затем он решил, что свечение ему просто чудится, и старательно потер свои глаза, но нет, огоньки и тут не исчезли. Не мигая, они постоянно перемещались и приближались с каждой минутой. Прошло еще немного времени – и на освещенную часть улицы вышла кошка. Ее глазам и принадлежал этот таинственный и магический свет, сбивший с толку нашего богатыря. Животное было на редкость тощим, облезлым, с поджарым брюхом и изогнутым в виде вопросительного знака хвостом. Ключьями торчала ее угольно-черная шерсть, на лапках переходящая в кокетливые белые «носочки». Подойдя и остановившись неподалеку от тамбура, где из-за дверного стекла на нее таращился Микита, кошка уселась на мостовую, прилизала торчащую шерсть и уставилась на верзилу своим жутковато-ярким, мерцающим взглядом.

Отворив дверь, вышибала рявкнул на нее: «Брррррысь!» и пошарил глазами по мостовой в поисках булыжника поувесистей. Облизнувшись, кошка подобралась и угрожающе зашипела.

– А ну, пшла!.. У, стерва... – окрысился Микита, замахиваясь на странную тварь тяжелым дрыном, которым по ночам подпирали дверь.

Однако в следующее мгновение кошка взвилась вверх и, растопырившись в воздухе одним прыжком преодолела разделявшее их расстояние и упала прямо на лицо Миките, впившись клыками – во вздувшуюся синюю жилу на шее. От неожиданности, боли и страха Микита заревел дурным голосом, но в следующее мгновение рев его сменился каким-то странным булькающим всхлипом и его внезапно обмякшее тело мешком осело в тамбуре...

* * *

– Ч-ч-лавее-к! – воскликнула старуха. – Минька, подь суды!

Звали ее Хивря, или Бабка-Хивря, как ее звал толстомордый парень с хоречным лицом. И вела себя она пренагло, требуя то одного, то другого, то отсылала обратно балык, то требовала себе жалобную книгу и рисовала в ней чертиков, Миня все терпел, уже рисуя себе в мыслях суммы, на которые он ее обдерет. Правда, теперь ее компания увеличилась и вдобавок к толстомордому, которого она звала Аредом, рядом с Хиврей примостились и потасканного вида девица привокзального пошиба в черном залатанном платьице с большим вырезом, из которого почти выскакивали ее тощие груди, и безобразно выглядевшей меховой горжеткой. Девица таращила на всех свои большие зеленые глаза и ядовито улыбалась широким чрезмерно накрашенным ртом.

– Эй, половой! – взвизгнула Хивря, – приборчик для моей милочки, для моей кисоньки-муроньки, для Ерахточки моей сладенькой!..

– Сей секунд! – осклабился Миня и вновь поскакал на кухню.

Однако стол уже отказывался вместить какое-либо новое блюдо. Икра и осетрина, грибы и крабы, корейка и буженина, саями и сервилат, анчоусы и сардины – все эти яства, давным-давно покинувшие букашинские магазины и переселившиеся в будки, отягощали литерный стол, а порой летели и под стол вместе с жалобно тренькающими бокалами и печально звенящими приборами, взамен которых Миня подносил все новые и новые.

– Минь, да что же это!.. – всплеснула руками Аннушка. – Нет, да как же они свинячат, да ты...

– Молчи, дура! – осаживал ее Миня. – Пусть хоть весь кабак перевернут, если платят золотом. Ясно?

Зеленоглазая Ерахта заказала «бифштекс по-татарски» и с удовольствием съела кровоточащую говяжью вырезку, приправленную мелко нарезанным зеленым лучком. Запить она попросила валерьянки (Хивря при этом погрозила ей своим тощим крючковатым пальцем).

– А вы не желаете ли освежиться? – осведомился Миня.

– Мне бы кровушки... – мечтательно вздохнул Аред.

– Перебьесси, – отрезала Хивря, и велела. – Дай ему уксусу винного, да капни туда рассолу из-под селедки, да ложку гематогена, да перцу туда красного, да гвоздики толченой, да может чуток известки для шипу, щелочи для забористости, да спиртику для крепости, ну и один лимон раздави для аромату...

– Оригинальный рецепт... – Миня одобрительно улыбнулся Ареду. Вместо ответа тот издал неприличный звук и сделал рукой неприличный жест – он вообще был малоразговорчив. Его спутницы залились визгливым кудахтающим смехом.

– Т-сссс! Т-сссс! Деточки, – зашептала старая Хивря. – На нас смотрят. Будем вести себя соответственно этикету. Покажем всем, какие мы благовоспитанные дети. – «Дети» хохотнули и приняли жеманные позы.

– Ишь, – вяло бросил Жора Кашежев, – пантуют, фраера...

Обернувшись и глянув через плечо на странноватую тройцу, Федюня Цыганков лениво сплюнул на пол.

– Видали мы таких, – глубокомысленно заявил он.

Проследив за его взглядом, Саша пожала плечами и сказала:

– Люди как люди. Не дерьмовее других.

Лиана хихикнула:

– Хочу написать диссертацию на тему «Антроподермизм и его роль в международном эволюционном процессе»...

– У тебя получится, – поддержал ее Жора. – Дерма на наш век хватит...

– А ведь они наглеют, – заявил Федюня, в упор глядя на странных посетителей. На правах главной городской крыши он чувствовал на себе обязанность контролировать мир и покой на улицах города. И каждые новые обитатели городка рассматривались им либо как новые данники, либо как лишние соглядатаи.

– Гарсон, гарсон, – визжала Хивря, – еще пива. С полдюжины нам хватит.

Миня раскрасневшийся бежал к ним с подносом, деликатно прикрыв салфеточкой запотевшие баночки «туборга».

Не менее заинтересованно взирали на странных посетителей и почтенные барышники. Абдирянц, тот по-восточному послал на их стол бутылку коллекционного шампанского, а Тактымбаев ограничился дыней с динозаврово яйцо, извлеченной им из обширного мешка, с которым он никогда не расставался. Покопавшись в своем мешке, старуха извлекла оттуда драную галошу, харкнула туда и распорядилась отнести торговцам. Те переглянулись и впе-

рили взоры в неожиданный дар – на дне галоши в обильном слое мокроты покоился николаевский червонец. Две руки одновременно с двух сторон потянулись к галоше.

– Подходяще, – ухмыльнулась Хивря, – Киска-Ерахта, обслужи!

Поднявшись с места Ерахта направилась за стол купцов, которые сидели, сцепив правые руки на галоши, а левыми на шаривали на столе предмет потяжелее, который помог бы сотрапезнику примириться с утратой вожаемой монетки. Взгляды их сверлили друг друга и казалось, что в месте их соприкосновения порой проскакивали крохотные колющие молнии. Только поэтому они никакого внимания не обратили на Ерахту. А она... вышла в центр кафе и потянулась. При этом на какой-то миг всем присутствующим мужчинам показалось, что платье ее вообще растворилось в воздухе, и тело ее вдруг оказалось наполненным той знойной истомой, той нерастроченной жадой соития, того, сквозящего из глаз, изо всех пор брызжащего желания, которое на Западе зовется *sex appeal*, а у нас ему и названия-то еще приличного не подобрали.

– Где-то я ее видел... – задумчиво пробормотал Боб Кисоедов, глядя на девицу сквозь донышко стакана.

– Кого? Где?... – наперебой спросили Жора и Федюня.

– Вот эту стерву, – убежденно сказал Боб. – И хмыря этого мордастого. И бандершу ихнюю. Ей-бо, где-то видел.

– Где ты мог их видеть, кроме вытрезвилки, пьянь замурзанная... – иронически протянула Аннушка, убирая со столов.

Компания хохотнула.

– А ну вас... – махнул рукой Боб, отходя от стола, но неловко задел ногой за подставленную Федюней ногу и повалился между стульями. Лег – и, не заснул, не потерял сознание, не обеспамятел, а, (применим здесь более свежий и более точный глагол) – вырубился. Будем считать, что ему повезло.

Тем временем после некоторого перерыва вновь заиграла музыка, Миня поставил новую кассету и на экране возник ролик, некогда снискавший дружное осуждение отечественных моралистов. Это были видеоклип к пластинке Майкла Джексона «Триллер». Молодежь оживилась, загремели отодвигаемые стулья, зал наполнился танцующими. Соблазненный усилиями Ерахты, вышел поразмять косточки и Абдирянц, и его массивный живот заколыхался среди юрких, ломающихся, скользких и дрыгающихся фигур. Воспользовавшись его отсутствием, Тактымбаев подсел к Хивре и завел с нею интимный разговор на тему, оставшуюся нам неизвестной. Старуха посмеивалась, слушая его шепот и поглядывала на экран, где в компании чудищ, скелетов и вампиров выплясывал стройненький обаяшка-Майкл.

– Ишь, что делает! – воскликнула она и взглянула на Ареда. – А мы что ль так не можем? А?!

Тот только фыркнул и, взлетевши из-за стола вмиг оказался перед извивающейся в танце с сонно-равнодушным видом Сашенькой. Брезгливо поморщившись, девушка отвернулась, встав лицом к Федюне, но Аред снова оказался перед нею и протянул к ней руки, сделал движение, будто собирался обнять ее. Сашенька с визгом шарахнулась прочь. Ее крик слился с воплем Абдирянца: истошно крича, он пытался оторвать от себя впившуюся ему в горло Ерахту, но не смог и повалился на пол, суча ногами. Обернувшись на крик коллеги, Тактымбаев вдруг почувствовал дикую боль в затылке и, ослепленный ею, повалился под стол, поймав напоследок горящий взгляд Хиври. Но на эти происшествия в тот момент мало кто обратил внимание, ибо все были заняты начавшейся дракой в центре залы: подскочив к Ареду, Федюня схватил его за плечо, повернул лицом к себе и провел сокрушительный хук правой в челюсть. Этим ударом можно было свалить с ног быка. Но Аред только ощерился, обнажив пару мощных желтоватых клыков, свесившихся на нижнюю губу. Лицо его вмиг

переменилось, так, что Федюня содрогнулся. То, что секунду назад казалось лицом, вдруг оказалось покрытым слоем рыжеватой шерсти, нос вдавился, из вывернутых ноздрей повалил дым, глаза его загорелись голубым огнем, надо лбом выросли два коротких кривых рога. Не видя этого, Жора с бутылкой из-под шампанского налетел на него со спины (они с Федюней, как правило, дрались по хорошо отработанной методике), но бутылка разлетелась, не причинив Ареду видимого вреда. Он лишь мотнул головой, и Жора, поддетый рогом, взлетел к потолку и с воплем обрушился в дальний угол зала. Публика с визгом бросилась кто куда. Однако на первых же, отворивших входную дверь, съехало громадное окровавленное тело Микиты. И тут кто-то вскрикнул: «Змеи!.. Змеи!» – и началось настоящее столпотворение...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.